

А.А. Иванов

Лидеры областнического движения о роли уголовной ссылки в освоении Сибири

Ключевые слова: уголовная ссылка, государственная политика, освоение Сибири, областничество, регионализм, штрафная колонизация, сибирская интеллигенция.

Key words: the criminal reference, state policy, development of Siberia, a regionalism, penal colonisation, the Siberian intelligency.

Центральное место в сибирской историографии XVIII–XX вв. занимал вопрос освоения этого обширного края. Присоединение и заселение территории, взаимоотношения центра и окраины, общественно-политические движения, формирование классов и сословий, культурное развитие, положение инородцев – все это суть производные одной общей проблемы – проблемы освоения Сибири [1].

Как известно, формы освоения Российской империей своей Зауральской территории были различными. И в отечественной историографии этот процесс отражался по-разному. Исследователи выделяли «народную», «невольную», «промышленную», «сельскохозяйственную», «звероловную», «горнозаводскую» и иные виды колонизации. Свое место среди этих форм или «потоков» принадлежало и штрафной колонизации, освоению края при помощи уголовной ссылки. Изучение этого вопроса, естественно, имеет свою историю [2], однако и по сей день, несмотря на общее весьма солидное количество работ, авторы которых так или иначе обращались к этой теме, ее исследование далеко от своего завершения.

В настоящей статье рассмотрим, каким образом лидеры сибирского областнического движения определяли роль уголовной ссылки в колонизации края. Придавая видное значение борьбе за отмену штрафной колонизации, они сделали многое для начала научного исследования этой темы. Выступая за коренное решение «самого насущного вопроса Сибири», руководители движения не могли не приступить к его первоначальному осмыслению, публицистическому обобщению, а затем и научному изучению.

Хорошо известно, какое исключительное место занимала «ссылная тема» в антиколониальной, областнической концепции сибирских патриотов [3]. Немедленное прекращение ссылки и каторги за Урал было главным требованием движения второй половины XIX в. Г.Н. Потанин вопрос о ссылке в Сибирь считал «самым кричащим». Определяя приоритеты областнического общественного движения – защита от московской эксплуатации, вопрос переселенческий, университетский и инородческий, он на первое место все же ставил задачу отмены ссылки. «Самая главная нужда Сибири заключается в установлении правиль-

ных взаимоотношений между метрополией и колонией. Колония обращена в место ссылки для преступных элементов Европейской России» [4, с. 275].

Отношение лидеров областнического движения к уголовной ссылке в истории заселения Сибири шло от демократической традиции отечественной историографии, считавшей «народную», а не «государеву» колонизацию главным фактором освоения региона. Так, у М.В. Ломоносова читаем: «при взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на Восток Российской державы, произведенных больше частными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся... главное имеют участие» [5, с. 448]. Аналогичных взглядов придерживался и А.Н. Радищев, считавший, что заселение края «...не на одного Ермака с его товарищами относиться долженствует, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самых Америки», и призывавший «отдать справедливость народному характеру» за «неутомимость» в деле освоения Зауральского региона [6, с. 147].

А.П. Щапов, «отец областничества» [7, с. 13], как известно, историей ссылки в Сибирь специально не занимался. Вместе с тем в нескольких своих научных и публицистических статьях («Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении» (1872 г.), «Историко-географические заметки о Сибири» (1873 г.), «Бурятская улусно-родовая община» (1874 г.), «Социальные потребности Сибири накануне реформ» (1876 г.)) он сделал ряд характерных высказываний, позволяющих нам сегодня судить об отношении ученого к этому предмету.

А.П. Щапов считал, что заселение Сибири уголовными ссылными оказывает пагубное влияние на еще не оформившуюся, а значит, особенно ранимую «сибирско-русскую народность». По исследованиям ученого, среди сибиряков, помимо «самородков» – «происходцев из простонародья, обнаруживающих замечательные особенности в различных технических искусствах, распространены, возможно, больше чем где-либо, и всякого рода уроды – кретины, микроцефалы, идиоты или дурачки» [8, с. 142]. Проявление этой патологии в Сибири больше, чем в Европейской России, – есть следствие «наводнения» края ссылными, «чье физическое и моральное здоровье» далеко от безупречного, а образ жизни – от нравственных устоев.

Отношение исследователя к поселенцам, посланным в Сибирь для сельскохозяйственной колонизации края, совершенно иное, чем к уголовным.

Такой ссыльнопоселенец, по Щапову, имеет более широкий «умственный кругозор», более «культивированные и развитые умственные способности». У него «логический анализ в рассуждениях глубже», наблюдения шире, «речь выразительнее, с большой примесью слов книжного языка». Вполне естественно, что вклад подобного типа ссыльного в становление сибирско-русской или «областной», как он еще называет, народности Сибири оценивался историком исключительно позитивно.

Не могли не волновать А.П. Щапова и социальные последствия ассимиляции ссыльных в крестьянской общине. Последней, по Щапову, «чужды буржуазные понятия, эгоистически-приобретательские стремления к наживе за счет ближних сообщников». Вместе с тем на многочисленных конкретных примерах историк доказывает, что как инородческая бурятская, так и приленская крестьянские общины испытывают в настоящее время процесс разложения. Катализатором этого и выступают ссыльнопоселенцы, именно их появление здесь ведет к «единоличному наживательству, эксплуатации и мироедству» [8, с. 283]. Среди крестьянских поселений быстро растут новые «кабаки» и питейные заведения, открываемые в основном уголовными ссыльными.

Автор предлагает только самой общине, а не представителям государственной власти решать вопрос о принятии поселенцев в свой состав. В качестве примера он рассказывает о том, как крестьяне Манзурской волости не выполнили приказ комиссара о принятии в общину ссыльнопоселенцев в качестве работников и наделении их не только «пищей», одеждой и денежной платой, но и «присевками». Общество письменно «покорнейше» просило отказать от предписания, так как в селениях имеется «значительное число бедных крестьян, мирских старожилков, нуждающихся в наемной работе у своих общинников» [8, с. 272].

Щаповское отношение к ссылке отчетливо прослеживается и на примере его известного положения о российской истории как истории областей. По его представлениям, в свободном, органическом развитии «областности», «областей» в рамках единого государства нет и не может быть места уголовной ссылке. Центр не должен превращать «окраины», или «области», в место сосредоточения политических и уголовных преступников. «Сибири, – считает Щапов, – необходима колонизация не ссыльными, невольниками-поселенцами, а свободным рабочим народом, крестьянством, ремесленными или фабрично-заводскими мастерами и рабочими» [8, с. 317].

Разрушительное воздействие ссылки на сибирскую общину отмечал не только А.П. Щапов. «Наличность многочисленного поселенческого элемента действует на крестьянскую массу развращающим образом, – писал, например, Н.М. Астырев, – обилие дешевых рабочих рук... развивает в крестьянине сильное стремление эксплуатировать эти голодные рабочие массы, облегчает переход от натурального хозяйства

к капиталистическому производству, способствует большему развитию индивидуальности в членах общества, уничтожая необходимость во взаимной поддержке друг друга...» [9, с. 155].

Использование ссылки в качестве колонизационного элемента Н.М. Астырев считал незначительным. Причину этого ученый видел в отсутствии системы в организации «ссыльного дела». «Хаотичному, невозможному состоянию ссылки посвящено уже множество исследований, чиновничьих записок, докладов, даже страниц отчетов губернаторов и генерал-губернаторов». При этом, главную беду, следующую из отсутствия организации ссыльного дела, Астырев видел в том, что ссыльные, «выброшенные» в Сибирь, предоставлены «самим себе». «De facto, — пишет автор, — ссыльные находятся вне всякого надзора и пользуются всеми правами свободного человека». Вот в этом попустительстве и следует, по мысли автора, искать источник «развращающего действия» на крестьянское общество. Это – «самая темная сторона» ссылки. «Благодаря ей, в местном обществе быстро образуется группа капиталистов-производителей и группа голодного пролетариата», а крестьянин становится «похож скорее на фермера, или даже плантатора-владельца» [9, с. 124, 156].

Вопросы штрафной колонизации Сибири постоянно интересовали и Г.Н. Потанина. Из переписки с Н.М. Ядринцевым следует, что Григорий Николаевич принимал живейшее участие в обсуждении содержания будущих книг и статей, обращал внимание своего друга на обязательное освещение наиболее «вопиющих» сторон «ссыльной» проблематики. Именно Потанин зачастую подсказывал Ядринцеву ту или иную тему, определяя ее публицистический характер и направленность. Так, еще в письме из Никольска в июле 1872 г. Г.Н. Потанин пишет: «... тюремный конгресс в Лондоне меня очень интересует, однако в «Сыне отечества» речь Гастингса не приведена даже в кратком извлечении, а только упомянуто, что он отрицает всякую пользу штрафной колонизации для страны. Можно ли надеяться, что это даст Вам случай написать статью». А вот в декабрьском письме за тот же год из Тотьмы: «По поводу Ваших вопросов, о которых Вы собираетесь писать брошюру... Согласны ли Вы, что самыми важными из них должны признать три, а именно (в порядке важности): 1) штрафная колонизация, 2) мануфактурное иго, 3) отсутствие интеллигенции» [10, с. 115, 132].

Одним из первых Г.Н. Потанин поднимает проблему «приживаемости», закрепления уголовного ссыльного в сельском хозяйстве Сибири. Здесь только что приписанного к обществу поселенца ждет совсем «нерадушный» прием: «посельщик, – пишет автор, – беден, лишен некоторых прав, деморализован, тогда как его противник находится у себя дома, обладает всеми правами. Сибиряк вытопчет у посельщика хлеб в поле, выкосит часть его лугов, захватит долю его земли – посельщик бессилён бороться. Сибиряк

держит его в экономической зависимости, играя по отношению к нему роль кулака».

Основная масса ссыльных, – указывает далее Потанин, – приходит в деревню без средств к существованию. Перед ними всегда стоит своеобразный выбор – или пополнить толпы бродяг, кочующих непрерывно по сибирским дорогам, просящих «Христа ради», а нередко занимающихся разбоем, или наниматься к крестьянину в работники. Батрачит наибольшая часть ссыльных. «Жизнь батрака, – пишет автор, – нигде не сладка. Но у сибирского крестьянина поселщик выносит то, что он раньше и представить не мог. Сибиряк буквально не дает ему отдыха, выжимая из него все, что тот способен дать» [11, с. 8].

Несмотря на воинствующее неприятие уголовной ссылки, твердое убеждение в ее «пагубном», негативном влиянии на сибирское общество, Г.Н. Потанин, между тем, сочувствует «простым» ссыльным, пытающимся вести в Сибири «честную жизнь». Таким поселенцам очень сложно победить обстоятельства. «В сибирской деревне, – подводит итог автор, – существует два сословия – местные крестьяне – господствующее, и поселщики – подчиненное. <...> Между крестьянами и поселщиками идет борьба, не умолкающая, ожесточенная. Эта борьба по средствам и результатам отвратительна, потому, что развращает обе стороны» [11, с. 9].

Среди работ сибирских областников, посвященных взаимоотношениям окраины и центра страны, главное место занимают труды Н.М. Ядринцева. Николай Михайлович – автор целого ряда статей, исследующих вклад уголовной ссылки в развитие края [12]. Только в 1868–1881 гг., по подсчетам В.М. Шиловского, из под его пера вышло более 85 публикаций по самым различным аспектам этой проблематики [13, с. 129]. Именно он уже в начале 70-х гг. XIX столетия сумел поставить и попытался по-своему решить основные вопросы этой темы. Выделим среди них:

- численность, половой, возрастной и социальный состав уголовных ссыльных;
- территориальное и производственное размещение;
- характер взаимоотношений с сибирским обществом;
- масштабы и эффективность колонизации Сибири уголовными ссыльными;
- возможные альтернативы штрафной колонизации.

Главный труд Н.М. Ядринцева – «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1882) содержит специальную главу «Ссылка в Сибирь и положение ссыльных», где помимо вопросов влияния уголовных на сибирское общество, рассматривается и роль ссылки в колонизации обширного региона.

«Наказание это, – пишет Н.М. Ядринцев, – считалось каранием и исправлением, очищением общества от дурных элементов и полезной колонизацией края.

Оно удовлетворяло и «суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа», и «гуманистов, предпочитавших его душной тюрьме, т. к. здесь ссыльные не только несут наказание, но и работают на чистом воздухе». Между тем, считает автор, соединение столь противоречивых задач ссылки, «в сущности, на деле вытеснявших друг друга», невозможно и должно было зародить в обществе некоторые сомнения по поводу ее эффективности, а, значит, и целесообразности [14, с. 199].

Н.М. Ядринцев был одним из первых, кто сумел определить научную важность исследования этой темы: «Весьма заметным явлением русской жизни» называет он колонизацию Сибири. «История этих движений и многообразное проявление всех форм и видов колонизации подлежит еще многим внимательным исследованиям, и, вероятно, откроет замечательные черты для наблюдения народной жизни» [14, с. 178].

Исследователь подчеркивает и геостратегическое значение колонизации сибирских пространств. Говоря о необходимости для России продолжить активное социально-экономическое освоение территории на востоке от Уральского хребта, он подчеркивал важность этого, связывая с усилением стран тихоокеанского региона. «...азиатские государства, как Япония и Китай, начинают выходить из положения застоя, и при помощи европейского влияния, могут явиться серьезной силой... Мы не можем уже более пренебрегать нашими владениями на востоке и их культурой, хотя ради того, чтобы не отстать перед остальными азиатскими государствами. Задачи, оставленные для будущего, приблизились к нам...» [14, с. 185].

Прежде всего Н.М. Ядринцев стремится установить влияние уголовной ссылки на демографические процессы в крае. Цель поисков понятна – определив общее количество ссыльных, можно говорить об их общем вкладе в дело заселения края. На первый взгляд количество ссыльных, отправляемых в Сибирь, растет год от года, что позволяет сделать предположение и об увеличении их роли в экономике региона. «Цифры ежегодно отправляющихся в Сибирь ссыльных казались нам внушительными, чтобы сделать заключение о довольно видном значении ссылки в деле колонизации. Число ссыльных доходит до 19 000 в год – контингент довольно значительный. Прежде ссылка равнялась от 6000 до 9000. Это дало повод заключить, что с начала нынешнего столетия, лет в 50 слишком, ссылка дала Сибири полмиллиона народа. По естественному приросту она должна была образовать в этот период более одного миллиона жителей; такой контингент лиц не мог остаться без пользы для малонаселенной Сибири. Мы думали, что это население должно было внести известный труд в край и содействовать его экономическому преуспеянию» [14, с. 198].

Для того, чтобы определить вклад ссыльных в колонизацию Сибири, автор попытался подсчитать

количество ссыльных на местах. Это оказалось весьма трудным делом. Исследователь столкнулся с отсутствием обобщающей статистики. Лишь по отдельным регионам и некоторым периодам можно было выявить какие-то количественные показатели. При этом, указывает Н.М. Ядринцев, «сведения эти крайне противоречивы и неопределенны. Но самое важное то, что число людей, считающихся по официальным спискам, далеко не составляет числа действительно на лицо существующего населения» [14, с. 202].

Например, итоги подворной описи только по Иркутской губернии дали «громадный недочет ссыльнопоселенцев против числившихся по спискам. На лицо – едва ли 1/5 часть» поселенцев. По другим сведениям, «на 45 000 ссыльного населения только тысяч 14 живет в местах причисления, около 10 000 находится на промыслах и заработках, остальные в безвестной отлучке. В Манзурской волости, например, из 2400 причисленных поселенцев на месте живет только 300» [14, с. 202].

Изучив статистику по всей Сибири, Н.М. Ядринцев приходит к заключению, что «наличное ссыльное население в Сибири составляет громадную разницу с числом высланных и числом приписанных по волостям. Кроме числа вымиравших по дороге, бегущих с пути, оно уменьшается против приписки немедленно по прибытии на 2/3 и даже на 4/5. Таким образом, подводит итог Н.М. Ядринцев, «из 200 000 мы вправе считать наличными едва 40 и 60 000 остающихся в местах ссылки. Вместо указываемых 500 000 ссыльных во весь период и миллиона, выросшего путем нарождения, которые, как мы предполагали, обогатили Сибирь, нам представляется 400 000 потерянного и неизвестно куда девавшегося народа, умершего или погибшего в бегах. Картина совершенно обратная и неутешительная» [14, с. 203].

Вывод исследователя вполне логичен и закономерен: «увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно». Во-первых, обосновывает ученый далее, вплоть до 20-х гг. ссылка была ничтожна по численности; во-вторых, беспорядки внутри ссылки не способствовали «плодовитости, размножению и приросту населения Сибири» [14, с. 203].

Что же это за «беспорядки»? Иными словами, каковы изъяны системы? Изучая этот вопрос, Н.М. Ядринцев приходит к выводу, что закреплению ссыльных в Сибири препятствовало несколько обстоятельств. Прежде всего это немолодой возраст ссыльных – «преимущественно между 30 и 50 годами». Во-вторых, «самая пропорция ссыльных женщин не соответствовала мужскому населению, так как ссыльные женщины составляли 1/6 часть, или 18 женщин приходилось на 100 мужчин». В-третьих, «из общего числа ссыльных наибольшую категорию составляют дряхлые». В-четвертых, высокая смертность ссыльных, «которая характерна еще в местах пересылки».

«Все это, – говорит исследователь, – дает нам повод предположить, скорее, о вымирании ссыльных, чем об их приросте» [14, с. 205].

В качестве отрицательного фактора Н.М. Ядринцев называет и нерациональное распределение сибирских ссыльных внутри губерний, уездов и волостей. «В некоторых местах, – указывает автор, – они скучены до чрезвычайности. В Каинском и Мариинском округах они составляют почти 1/6 населения и могут ввести в заблуждение о значении ссылки в Сибири; зато в иных округах их нет совершенно...» [14, с. 204].

Чтобы проследить вклад ссыльных в экономику Сибири, Ядринцев исследует материальное положение поселенцев. Ученый приводит статистику по Кимельтейской волости Иркутской губернии: из 496 ссыльных, проживающих в местах причисления, лишь 109 считаются домохозяевами. Из них только 59 – сами хозяева-хлебопашцы, остальные нанимаются в работники к богатым крестьянам. При этом большая часть домов – лачуги [14, с. 206]. По мысли ученого, личное жалкое материальное благосостояние основной массы уголовных ссыльных вполне адекватно характеризовало и их роль в экономике региона.

Какое же место в освоении Сибири в целом отводил Н.М. Ядринцев штрафной колонизации? Весьма незначительное. Автор неоднократно подчеркивает не принудительный штрафной, а народный характер заселения Сибири. «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири» [14, с. 164].

При этом народное заселение Сибири автор напрямую связывает с закрепощением крестьян в Европейской России. Двигателем колонизации, по его мнению, и был крепостной гнет и, как следствие, бегство «из-под ига крепостного права». «Сибирь дала готовый выход этим элементам и открыла клапан движению. Законы об укреплении крестьян и «Юрьев день» стеснил народ и юридически прикрепил его к земле, но не остановил движение, а напротив, дал ему новый импульс и побуждение «брести» [14, с. 164].

По мнению Н.М. Ядринцева, «подле торной дороги, по которой со звоном кандалов гнали партии преступников, вилась незаметная лесная тропа, по которой тайком перебирался русский свободный переселенец или беглец». Чтобы подчеркнуть, что главная причина бегства из России заключалась в крепостном праве, Ядринцев говорит о том, что нередко «дети ссыльных отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число ссыльных. Положение ссыльного поселенца в Сибири было легче, чем участь крепостного крестьянина в Европейской России» [14, с. 165].

Место штрафной колонизации в освоении региона Н.М. Ядринцев выводит и из анализа социального со-

става невольных колонистов. По его мнению, костяк переселенцев составляли: служилые люди, казаки, пахотные люди, ямщики и, наконец, преступники». Как видим, уголовные ссыльные замыкают этот перечень. При этом наибольшее значение для заселения и колонизации Сибири, по мысли ученого, имели пахотные люди. Он указывает: «...главную основу колонизации на Востоке составляло земледельческое население, усеявшее край деревнями; без него казенная колонизация не имела поддержки и стерлась бы, как смелый очерк, как замысловатый план, не получивший реального осуществления. Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя. Таково было значение добровольной народной колонизации, следовавшей за военной и казенной» [14, с. 167].

Но, может быть, штрафная колонизация – наиболее экономичный способ освоения Сибири и выгода от такой формы покрывает все моральные и издержки? Отвечая на этот вопрос, Ядринцев приводит весьма красноречивые цифры, характеризующие затраты казны на содержание уголовных ссыльных. Так, по сведениям ученого, только доставка одного уголовного в край обходится в 300 руб. Затем государство несет расходы на содержание этапного тракта, военного конвоя и стражи. К общим затратам следует прибавить подводную повинность крестьянских обществ. В конечном счете, один арестант обходится в Сибири в 800 руб., что значительно превосходит расходы на содержание преступников в тюремном замке в Европейской России [14, с. 229–230].

Понимая нереальность отмены сибирской ссылки, во всяком случае в обозримом будущем, Н.М. Ядринцев выступил и с хорошо проработанным планом ее видоизменения. Этот план напрямую касается и темы нашего исследования. Ставя во главу угла не наказание, а исправление преступника, лидер областнического движения прежде всего предлагал значительно, до 2500 человек, сократить ежегодную ссылку в Сибирь. Такое сокращение дало бы Сибирской администрации возможность более правильной и системной организации всего дела [15, с. 541].

По Ядринцеву, новые ссыльные должны быть сосредоточены в «одной крупной колонии, хорошо организованной и действующей на исправительных началах». При этом, считал ученый, ничто «не препятствует ей быть даже где-нибудь в Европейской России» [15, с. 541].

Главным условием исправления преступника Н.М. Ядринцев считал труд, предлагая устроить в колонии «земледельческие фермы и ремесленные артели». Артельный труд, добрые нравственные влияния и умственное развитие должны быть положены в основу такой системы» [15, с. 607].

Центром системы исправления преступника, по Ядринцеву, становилась община. Устроенный на обще-

ственных принципах тюремный и колониальный мир, считал исследователь, с системой круговой поруки и взаимовыручки, коммунистическими формами распределения и равенством запросов и есть тот социум, где преступник способен перевоспитаться. «Мы обязаны, – утверждал автор, – воспользоваться лучшими сторонами общины... и приспособить ее к разумным целям пенитенциарной системы» [15, с. 711].

Свою лепту в исследование уголовной ссылки в Сибирь внес и П.М. Головачев. Будучи профессиональным историком, выпускником, а затем приват-доцентом Московского университета, он много сделал для изучения социально-экономической жизни Сибири. Головачев одним из первых обратил внимание и на актуальность, «живую потребность» исторического изучения прошлого края. «Плуг историка-исследователя, – отмечал он, – провел до сих пор лишь редкие и неглубокие борозды по полю изучения прошлого Закаменной России. Поле это, хотя и ограничено неширокими хронологическими пределами и не представляет на своей поверхности особенной яркости и разнообразия, однако имеет чрезвычайно интересную и важную историческую почву» [16, с. 49].

По мнению исследователя, именно сейчас, «когда зауральский поток русской жизни все более сливается с потоком общерусским, теперь... особо необходимо выяснить некоторые современные вопросы: таков вопрос исторический, вопрос о ссылке, фактически не разрешенный и до сего дня, таков вопрос переселенческий, старинный вопрос колонизации Сибири». При этом П.М. Головачев подчеркивает, что «заселение края – краеугольный камень при изучении исторической жизни этой окраины», а «невольная, ссыльная колонизация» – важнейшая тема для всякого исследования [16, с. 50].

Вслед за Н.М. Ядринцевым, определяя перспективы разработки «ссылной» темы, П.Н. Головачев обращает внимание и на ее практически «неработанное, плохое» состояние. Он связывает это прежде всего с тем, что в распоряжении исследователей «было очень мало сырого архивного материала».

Как и Ядринцев, П.М. Головачев движущей силой колонизации края считал народ. Политика первых Романовых, преобразования Петра, «напряжение жизни» – все это заставляло народ искать лучшей доли за Уралом. Историк обозначил и социальный состав первых переселенцев – «воры, разбойники, разного рода преступники, преследуемые за веру старообрядцы, крепостные, бежавшие от своих господ, люди, избегающие рекрутчины и платежа повинностей, – все старались скрыться в обширных пустых пространствах Зауралья» [16, с. 63].

П.М. Головачев, в отличие от Ядринцева, в меньшей степени идеализирует сибирского крестьянина. Он не пишет об общине, ее традициях как залого исправления преступника. И роль ссылки в освоении

Сибири у Головачева выглядит уже не такой безоговорочно отрицательной. Он даже находит в ней рациональные зерна. «Среди ссыльных служилых людей, – пишет автор, – было много иноземцев – польских, литовских, немецких людей, вносивших в сибирскую жизнь повышенное чувство личности и, вообще, более культурные начала» [17, с. 61].

Во втором издании своей книги «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» (1905) П.М. Головачев несколько поменял акценты и отвел штрафной колонизации в деле заселения края более заметное место: «Под именем «сибиряков», – указывал историк, – нужно разуместь, во-первых, потомков казаков-землеискателей; во-вторых, потомков зверопромышленников, которые из России двинулись в Сибирь вслед за землеискателями; в-третьих, потомков вольных и невольных переселенцев XVII и XVIII столетия». Более того, уголовная ссылка, по мысли П.М. Головачева, изначально служила «не столько для наказания, сколько для заселения» края [18, с. 191]. Здесь же встречаем и столь редкие для исследований этого периода обобщающие данные, из которых можно сделать вывод и о вкладе ссыльных в колонизацию региона: «из 300 000 ссыльных, числившихся в Сибири, 100 000 – празднотагающиеся бродяги, 100 000 – бездомные, живущие случайными заработками, 70 000 – безземельные рабочие и 30 000 – оседлые земледельцы, из них только 4^{1/2} тысячи достигли известного хозяйственного благосостояния и могут слиться с местным оседлым населением» [18, с. 222].

Необходимо подчеркнуть, что проблема уголовной ссылки и освоения края всегда была в центре внимания исследователей-сибиряков. Так, газета «Сибирь», где позиции областников были всегда сильны [19, с. 301], еще в 1875 г. выделяла три формы занятости ссыльных: «Большая часть поселенцев, по прибытии в волости, отправляется на золотые прииски, – указывал неизвестный автор. – Самый плохой из них зарабатывает до 60 рублей за лето. По выходе из приисков такой человек в первом же кабаке пропивает весь свой заработок, и тотчас вновь нанимается, получая при этом приличный задаток. Для того, чтобы не отрабатывать задатка, ссыльные идут бродяжить, отвыкают от всякого труда и, попадаясь, поступают уже во временные заводские работы. Потом, совершенно расстроив свое здоровье, они поступают в разряд получающих пособия и становятся бременем для общества волости, к которой пречисляются». Вторая категория ссыльных нанимается в крестьянские семьи. Судьба их заработка и их самих – практически не отличаются от судьбы золотодобытчиков: непосильный труд до первого материального результата, кабак, бегство, бродяжничество, приют, содержание за счет сельской общины. Третья часть ссыльных отправляется бродяжить сразу по прибытии в волость. Дальнейшая их участь совершенно одинакова. «Лишь пятая или шестая часть, – заключает автор, – действительно водворяется в местах поселения» [20].

Различные сюжеты штрафной колонизации края были в центре внимания и старейшего сибирского публициста, писателя и педагога, редактора «Амура» и губернских «Известий» иркутянина М.В. Загоскина. В 1889 г. он так писал в «Восточном обозрении» о проблемах уголовной ссылки: «Не в одном Иркутске раздаются жалобы на массу поселенческого элемента, переполняющего его трущобы... Не только большие города, как Томск и Красноярск, но и маленькие наши уездные городишки и торговые села кишат жуликами, мелкими и крупными воришками и конокрадами. При виде этой массы бродячего люда, не имеющего ни крова, ни занятия, массы, с которой ничего не может поделаться ни городская, ни сельская полиция, не может даже приблизительно определить числа этих выходцев из Европейской России, невольно задаешься вопросами: чем объяснить то кажущееся противоречие, что при недостатке рабочих сил в Сибири, при дороговизне этих сил, столько рабочих рук не находят себе занятия и вынуждены для своего пропитания прибегать к противозаконным промыслам?» [21, с. 2].

М.В. Загоскин пытается по-своему решить это «кажущееся противоречие». По его мнению, причину существования «массы бродячего», неработающего люда следует искать в социальном составе ссыльных. По подсчетам автора, девять десятых осужденных, «хотя и происходят из крестьян, но это не крестьяне-земледельцы черноземной полосы, а уроженцы промышленного района России, выбившиеся из колеи; это – московские и другие жулики, прошедшие все арестантские роты и окончательно сосланные в Сибирь, это – рецидивисты, с которыми не могла ничего поделаться русская уголовная юстиция. Какое занятие могут получить они, отвыкшие от мирного земледельческого труда, не только в наших селениях, но и в городах?» [21, с. 2].

По мысли исследователя, такие ссыльные не годятся прежде всего в сельские рабочие: в последние 10–20 лет едва один из сотни поселенцев брался за соху и косу. Резко изменился и состав ссыльных: если раньше половина их происходила из помещичьих крестьян, бежавших от своих господ, то с развитием промышленности в России и возрастом массы фабричных рабочих возросла значительно и ссылка этого пролетариата. Эти люди не имеют навыков сельскохозяйственного труда, им невозможно конкурировать с крестьянами-старожилами. Вот почему такие ссыльные бегут из деревень сразу же после приписки к сельскому обществу.

С занятостью ссыльных лучше всего дела обстоят в горнодобывающей промышленности: здесь ссыльные составляют еще значительное число. Однако, по подсчетам М.В. Загоскина, на прииски требуется не такое значительное число рабочих в сравнении с массой ссыльных, как многим кажется. К тому же там нужны люди «сильные и здоровые», а в массе ссыльных «большинство людей помятых, истощенных, слабосильных; таких на прииски не наймут. Более

благоразумные хозяева приисков дают двойную плату местному сибирскому крестьянину против поселенца, зная, что с ним и хлопот меньше и заработает он больше, и в больнице лежать будет меньше» [21, с. 3].

«Куда же податься такому ссыльному?» – задается вопросом М.В. Загоскин. Только в город, где он и пополняет местный преступный мир, обостряя и без того напряженную криминальную обстановку. При этом бороться с такими ссыльными, по мысли автора, практически невозможно. Высылать их на место причисления бесполезно, так как они немедленно возвращаются в город. «Ссылать их дальше в Якутск? Но надо же пожалеть и якутов и город Якутск. Что же еще? Учредить общества пособия этим молодцам <и> просто содержать их на своем иждивении» – также не подходит. В отличие от Н.М. Ядринцева, считавшего крестьянскую общину идеальным местом перевоспитания уголовных преступников, Загоскин предлагает создавать для них специальные изолированные рабочие места. «Остается одно, – считает публицист, – учреждение рабочих домов» [21, с. 3].

Подведем некоторые итоги.

Для лидеров областнического движения тема штрафной колонизации Сибири носила всегда прежде всего публицистический, политизированный характер. Резко выступая против уголовной ссылки, считая ее отмену самым «насушным вопросом» для будущего края, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, П.М. Го-

ловачев, М.В. Загоскин и другие вольно или невольно преуменьшали роль ссылки в истории освоения региона в XVIII – первой половине XIX в. Располагая сведениями о занятости высланных в горнодобывающих отраслях, соляных промыслах, местной промышленности и сельском хозяйстве Сибири, областники, тем не менее, изучали не вклад этой категории работников в экономику региона, а их влияние на местное общество, стараясь доказать его «пагубный», «развращающий» характер. Как научная проблема тема штрафной колонизации в освоении Сибири была для сибирских патриотов вторичной, носила подчиненный характер. Решающим фактором в освоении региона они считали народную, «вольную» крестьянскую колонизацию, значение правительственных мер они преуменьшали.

Несмотря на сказанное, необходимо признать, что областники одними из первых сумели обозначить целый ряд важных аспектов этой темы: вскрыли недостатки государственной политики в деле руководства штрафной колонизацией, показали сложный характер взаимоотношений сибиряков и невольных поселенцев, сделали попытку определить, пусть фрагментарно, численность ссыльных, занятых в сельскохозяйственном и промышленном освоении края, выделили основные категории ссыльных колонистов, определили характер воздействия ссыльных на крестьянскую общину.

Библиографический список

1. Горюшкин, Л.М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. – Новосибирск, 1984.
2. Колесников, А.Д. Ссылка и заселение Сибири / А.Д. Колесников // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1975.
3. Шейнфельд, М.Б. Историография Сибири (кон. XIX – нач. XX в.): учеб. пособие / М.Б. Шейнфельд. – Красноярск, 1973.
4. Потанин, Г.Н. Нужды Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь. Ее состояние и ее нужды. – СПб., 1908.
5. Ломоносов, М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию // Полн. собр. соч. – М.; Л., 1952. – Т. 6.
6. Радищев, А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. – Т. 2.
7. Дубровский, К.В. От идеалов к действительности (областническая идея в прошлом и настоящем) / К.В. Дубровский. – Иркутск, 1917.
8. Шапов, А.П. Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. – Иркутск, 1937.
9. Астырев, Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. Астырев. – М., 1891.
10. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль и др. – 2-е изд. – Иркутск, 1987. – Т. 1.
11. П. Российские люди в Сибири / П. // Восточное обозрение. – 1884. – №14.
12. Ядринцев, Н.М. Колонизационное значение русской ссылки / Н.М. Ядринцев // Дело. – 1870. – №12.
13. Шиловский, В.М. Произведения Н.М. Ядринцева 70–80-х гг. XIX в. как источник по изучению исторического опыта освоения Сибири / В.М. Шиловский // Исторический опыт освоения Сибири. Вып. I: Освоение Сибири с древнейших времен до октября 1917 года. – Новосибирск, 1986.
14. Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев; отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 2003.
15. Ядринцев, Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1872.
16. Головачев, П. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири / П. Головачев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – №9.
17. Головачев, П.М. Сибирь / П.М. Головачев. – М., 1902.
18. Головачев, П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П. Головачев. – М., 1905.
19. Потанин, Г.Н. Воспоминания / Г.Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1983.
20. Проекты улучшения быта ссыльных // Сибирь. – 1875. – №3.
21. М. З. Что делать с неисправимыми ссыльными-пролетариями? / М. З. // Восточное обозрение. – 1889. – №3.